

Пам. дипл. сн. — Памятники дипломатических сношений с Англией. Сборник Имп. рус. ист. общ-ва. Т. 35. СПб., 1882.

Пр.-расх. кн. — Приходно-расходные книги Корнильева-Комельского монастыря. Летопись занятий Археогр. комис. Вып. 5. СПб., 1871.

Пут. каз. ат. — Путешествие казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в Китай в 1567 г. // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. Т. 2. СПб., 1849.

Сл. о п. Иг. — Слово о полку Игореве. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950.

С. Н. Смольников

АНТРОПОНИМЫ С ФОРМАНТОМ -ИЦА В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЕРХНЕГО ПОДВИНЬЯ КОНЦА XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Изучение антропонимической лексики, ее связей с лексикой апеллятивной, а также системных отношений между различными разрядами антропонимов невозможно без анализа словообразования личных имен и их производных форм. С решением этих проблем сталкивается практически любое исследование, поэтому перечень работ, в которых затрагиваются вопросы изучения уменьшительных, оценочных, экспрессивных квалитативных форм личных имен и прозвищ, мог бы быть достаточно объемным. Между тем специальных работ, посвященных истории словообразовательных моделей русских личных имен, немного [1].

Неоднократно отмечалось, что уже в древнерусский период существовала достаточно разработанная система формальных типов личных имен, во всем богатстве унаследованная преобразованным христианским именованием, пришедшим на Русь без единого производного. Возможность данного явления свидетельствует о самостоятельном онимическом статусе образующих формантов. Генетически восходящие к единой системе аффиксов праславянского, а в ряде случаев и индоевропейского языка, антропоформанты имели отличную от апеллятивных суффиксов историю развития, особые функции, свою специфику, связанную с утратой или изменением первичных словообразовательных значений.

С другой стороны, развитие антропонимической словообразовательной системы не могло не отражать основных процессов, характерных для словообразования апеллятивов, так как «регулярные модели имен собственных в русском языке чаще создавались и продолжают производиться при помощи тех же словообразовательных средств, что и апеллятивы с модификационными значениями уменьшительности, принадлежности / происхождения, женскости» [2, с. 7]. Поскольку ономастическая словообразовательная модель всегда генетически вторична по отношению к апеллятивной [2, с. 9], она часто ориентирована на соответствующую ей модель с указанными словообразовательными значениями. Утрата продуктивности апеллятивным суффиксом может отразиться и на судьбе омонимичного ему антропоформанта.

Особенно показательна в этом отношении судьба форманта -ица. Мнения о его происхождении и истории различны. А. И. Толкачев возводит его к *-ка, исторически связанному с индоевропейскими основами на $\bar{t}$ [1, с. 109]. Ю. С. Азаух в исходной системе древнерусского языка указывает наличие -иц- < *-ik [3, с. 12]. В качественном значении суффикс известен уже старославянским источникам [1, с. 109]. В древнерусском языке он служил для образования существительных мужского, женского и среднего рода. Семантически эквивалентен суффиксам -(е)ц, -(о)к-. В результате исторических изменений в морфологической структуре имени и возрастания роли категории рода впоследствии закрепляется за именами женского рода [1, с. 77]. Значение «женскости» способствует продуктивности суффикса в корреляции по признаку пола, включению его в состав сложного суффикса -ьниц- < -ьн-иц-, образующего названия лиц женского пола (*супругъ* — *супружьник* — *супружьница*) [3, с. 23].

Кроме этого, известен суффикс -иц- с мутационным словообразовательным значением «носитель признака», который служил для образования имен от адъективных основ или преобразования словосочетаний прилагательного и существительного в эквивалентное по смыслу существительное (*верьбница* — *верьбная неделя*) [3, с. 23, 30].

Наряду с указанным апеллятивным суффиксом в старорусский период значительной продуктивностью обладал и антропонимический формант -ица, особенно в образовании качественных от женских имен: *Маришица* (1639, АХУ III, 214), *Парасковьица* (1640, АХУ III, 229). С. И. Зинин на материале переписных книг городов России XVII в. отмечает, что активность суффикса женских имен -иц- возрастает в XVII в. в результате активизации соответствующего суффикса среди апеллятивов [4, с. 276].

Между тем более ранние источники свидетельствуют о том, что -ица мог образовывать и формы мужских календарных личных имен от разных типов основ (как полных, так и усеченных). Ср.: *Савица* с женою (1393, Шенкурья, Кокшенгский погост; АСВР III, №292); *Гридица* Булатов сын (1470, Дмитров у.; АСВР I, № 394); *Паница*, крестьянин (1545, Новг.; Оном., 238); *Костица*, крестьянин (1492, Переясл.; Оном., 159) и многие другие.

В таких же формах отмечены некалендарные имена и прозвища. Новгородские мужские личные имена *Воица* и *Прочица* приводит Н. В. Подольская, рассматривая антропонимию беременных грамот [5, с. 61]. Часто встречаются подобные качественные и в XV-XVI веках: *Замятница* Сундуков, царский конюх (1573, Оном., 119); *Бузлица*, холоп (XV в., Моск. у.; Оном., 52). Важно отметить, что использование -ица в XV в. не зависело от того, мужское или женское имя им оформляется: *Олюница* з женою, *Бузлица* з женою, *Тимоница* з женою и з детми, *Ориница* з детми, *Мавурица* з детми (1440, Переясл. у.; АСВР I, № 228; см. также белозерские — АСВР II, № 168 — и др. акты). В XVII в. -ица, сохраняя активность в образовании качественных женских личных имен, исчезает из арсенала формантов мужских календарных имен, что, видимо, связано с более строгой формализацией подобных форм в официальном употреблении [4, с. 268].

Характерно это и для антропонимии Устюжского и Сольвычегодского уездов XVII в. Материалы местной деловой письменности отражают продук-

тивность моделей квалитативов с формантами -к, -икъ (*Федка, Илейка, Якушко, Карпикъ, Павликъ* и др.). Случаи использования -ица исключительно редки: *Костица* Еремъев (1637, АХУ III, 182), преобразенный диачек *Первуница* Афонасьевъ сынъ Ярокурец (1607, Сольвыч. у.; ВОКМ. Ф. 4. Оп. 1. № 15). На квалитатив редкого имени *Ефериий* (сокр. *Ефериа*) (Петр., 113) указывает фамильное прозвание *Юферицын* (Якунка да Харитонко Федоровы дѣти *Юферицына* (ПК Уст. 1623. Л. 137)).

Вместе с тем, устюжские писцовые акты фиксируют не календарные имена, а мужские прозвища, оканчивающиеся на -ица. Прозвища были менее подвержены стандартизации в официальном употреблении, поэтому, вероятно, использовали более широкий круг антропонимических формантов. Заменявшие в обиходном употреблении личное имя и используемые документами для более точной идентификации лица прозвища на -ица встречаются в источниках второй половины XVI века: ... с посаду Иван *Игольница* (А Уст. II, 153); Козьма Леонтьев сын Одинцов *Каменница* (А Уст. II, 156), Денис *Деревяница* (А Уст. II, 168).

В документах XVII в. интересующие нас формы закреплены фамильными прозваниями: Васка Харламов *Вековицын*, солодовник (ПК Уст. 1623-1, 202), устюжанин Иван Захарьев сын *Розницын* (ТК Уст. 1633, 65), прикатчик Алешка Аврамовъ сынъ *Косицынъ* (1635, АХУ III, 169), ... крестьянина Архипка *Серницына* (ПК Уст. 1623. Л. 311 об.) и др.

Привлекались нами и данные топонимии. Ойконимы и микропонимы отантропонимического происхождения (названия населенных пунктов, земельных участков, пожен, полян, рек, ручьев, образованные от имен первопереселенцев или владельцев)* также позволяют реконструировать некоторые антрополексемы: *Тресница* (д. Треспицынская), *Дурница* (д. Дурницыно) и др.

Среди отмеченных прозвищных имен назовем следующие: *Бабица, Безносица, Безукладица, Вековица, Вязаница, Вязица, Гоголица, Голица, Деревяница, Дурница, Железница, Игольница, Каменница, Кезица, Кислица, Ковезица, Крововица, Лыченица, Мулица, Норица, Огородница, Оржаница, Пареница, Печеница, Силница, Старица, Студеница, Суковатица, Сухорица, Тетеревица, Трубица* и другие.

Многие из данных мужских прозвищ имеют соответствия в апеллятивной лексике, и потому правомерно рассматривать их как явление онимизации соответствующих апеллятивов. Большинство данных прозвищ находит аналогии в словарном составе древнерусского и старорусского языка, а также в лексической системе современных русских говоров. Приведем некоторые примеры: *вязаница* 'предмет одежды, изделие, связанное из пряжи, ниток' арх. (АОС, 8, 427), 'уложенная особым образом связка снопов льна' В-Уст.

* Нередко антропонимы и топонимы представляют целую систему производных от одной именной основы: Д. Стрекаловская на озере Стрекаловскомъ /.../ а в ней крестьян в. Сенка Стрекаловской /.../ в. Демка Стрекаловской /.../ с пожни Стрекалихи... (ПК Уст. 1623. Л. 355-355 об.) и др. примеры.

(СРНГ, 6, 72), 'связка, пучок, беремья'; 'варежка' (Даль, 1, 337); *голица* 'кожаная рукавица без подкладки' (Даль, 1, 372), волог. (СРНГ, 6, 294); *железница* 'стрела с железным наконечником' волог.; 'насекомое' олон., 'рыба' вят. и др. (СРНГ, 9, 105); *каменница* 'печь из камней в бане' В-Уст. и др. (СРНГ, 13, 17; Даль; СВГ); *крововица* 'кровеносный сосуд, вена' (Срезн., 1, 1338); *норица* 'зверек норка' пск. (СРНГ, 21, 280), 'растение' вят., новг., 'болезнь скота' пск., яросл. (СРНГ, 21, 280); *печеница* 'печеная репа' волог., вят., 'синяк' вят., волог. (СРНГ, 27, 347); *ржаница* 'ржаная мука', 'ржаной хлеб' пск. (Даль, 4, 101); *сельница* 'сенник, сеновал' пск. (Даль, 4, 173); *трубица* 'выпечное изделие в форме трубки' сев. (Даль, 4, 436) и др. Нетрудно заметить, что данные апеллятивы произведены при помощи -иц- как с модификационными, так и мутационными словообразовательными значениями, отмеченными ранее.

Учитывая большую продуктивность -иц- можно предположить существование в старорусском языке апеллятивов на -ица, близких по значению однокоренным словам, называющим или характеризующим человека: *голь* 'бедняк' (СРНГ, 6, 347) (ср.: *голица* 'неимущая женщина' новг. (СРНГ, 6, 294)); *безносик* 'прозвище человека с маленьким носом' костр. (СРНГ, 2, 194); *вековой* 'вечный, постоянный' арх.; черепов., новг.; 'живучий' арх. (СРНГ, 4, 102); *вязень* 'колодник, заключенный' (Даль, 1, 337); *сильник* 'силач' (Срезн., 3, 352); *кезо* 'брюхан' яросл. (ср.: *кезя* 'прозвище человека с большим брюхом' черепов., новг.) (СРНГ, 13, 176) и др., мотивировавших прозвища.

Но в то же время существует немало доводов в пользу того, что в ряде случаев мы имеем дело с деривацией посредством -иц- не на апеллятивном, а на антропонимическом уровне. Об этом свидетельствуют случаи двойного оформления имени (как с -ица, так и без него): *Скрыпцын* половник Андрейко (СК Уст. 1557. Л. 2), ... половничает на *Скрипу* (там же. л. 2 об.); половник Ондрушка Ондр'ев *Скрыпинъ* (ПК Уст. 1623. л. 316 об.). При этом апеллятив *скрыпца* 'гриб', 'малый смычковый музыкальный инструмент' отмечен В. И. Далем (Даль, 4, 209)*.

Корреляцию именовании с формантами -ец и -ица мы наблюдаем и при дублетном наименовании деревни по имени ее владельца: д. *Студенцово* а *Студеницыно* то ж (ПК Уст. 1623-26. Л. 346 об.).

На обладателя прозвища *Ковеза* указывают название деревни и фамильное прозвание одного из ее жителей: Д. *КовЪзина* на р'бчке на Кокъшанге, а в ней крестьян в. Вешнячко Кузмин *КовЪзицын* (ПК Уст. 1623. Л. 423). Ср.: *ковезить* 'дурачиться, шалить' нижегор. (СРНГ, 14, 28).

Авторы монографии «Теория и методика ономастических исследований» рассматривают имена типа *Бабица*, *Белица* в ряду качественных форм, произведенных от одной основы (*Белава*, *Беляк*, *Белка*, *Белан*, *Белуха*, *Бе-*

* На возможный антропонимический характер -ица в данном случае указывает М. Вуйтович, сопоставляя прозвище *Скрипца* с диал. *скрипа* 'хилый, плаксивый ребенок' пск. [7, с. 90].

лец, Беляш, Белаш, Белуша; Бабу́й, Баба́к, Баба́н, Бабу́ра, Бабу́ха, Бабе́ц, Баба́ш, Бабу́шка), указывая на антропонимический характер формантов, их производящих. Подобные формы древнерусских имен «самостоятельно и независимо от имен нарицательных образовались от древнейших именных основ», поэтому совпадения отдельных личных имен со словами общей лексики следует признать случайными [6, с. 70]. «Ономастикон» С. Б. Веселовского является ценным источником восстановления таких рядов имен, например: Голица — Голь, Голье, Голеня, Голик, Гольга, Гольш, Голята (Оном., 81-84); Злобица — Злоба, Злобай, Злобча, Злобка (Оном., 123); Куница — Куней, Кунец, Кунка, Куняй (Оном., 171) и др.

Эти и другие примеры говорят о правомерности постановки вопроса о характере соотношения антропонимов и созвучных им апеллативов, а также формально сходных апеллативных и онимических аффиксов. Мы рассматриваем его как особый случай межсистемной омонимии, который, несомненно, требует специального исследования.

Мужское прозвище *Безлепица* (Тупиков, 44; Оном., 32) соотносимо с апеллативом *бѣзлѣпица* 'нелепость, бессмыслица' (СЛРЯ XI-XVII, 2, 113). Но вероятнее его связь с именем *Безлеп* (ср.: Безлепкин (Оном., 32)), подобным известным древнерусским именам *Безсон*, *Безстуж*, *Безум* и др. По данной модели образованы и прозвищные имена *Безносица* и *Безукладица*, отмеченные в наших материалах (*Васка Безносицынь* (ПК Уст. 1623. Л. 140 об.), *Павелко Безукладицын* (СК Усол. 1586, 184)). Имя *Безнос*, *Безносно* было достаточно распространенным в XV-XVI вв. (Тупиков, 44; Оном., 32). *Безукладица* (ср.: Степко *Безукладица*, крестьянин рязанский (Тупиков, 46)) является формой имени *Безуклад** (*безукладный* 'бестолковый, безумный, упрямый' ворон. (СРНГ, 2, 201)).

Многие старорусские имена восходят к адъективам — характеристикам лица, от них также могли производиться формы посредством активных аффиксов: *Нехорошей* — *Нехорошко*; *Малой* — *Малец*, *Малыга*; *Дурной* — *Дурняк*, *Дурница* и др. Данная антропонимическая модель формально соотносима с моделью образования субстантивов от адъективных основ при помощи суффиксов с категориальным значением предметности и мутационным словообразовательным значением 'носитель признака'. Поэтому статус форманта -ица в подобных именах не всегда может быть определен однозначно. Так, говорам Устюжского края известно слово *кислица* в значениях 'красная смородина', 'щавель' (СВГ, 4, 59) (исконно, видимо, 'кислая ягода', 'кислая трава'). Очевидно, что в результате онимизации этой лексемы могло возникнуть прозвище *Кислица*, отмеченное в местной деловой письменности XVII в.: в. Михалко Дмитриев *Кислицынь* (ПК Уст. 1623. Л. 321), Д. Задняя Гора а *Кислицыно* то ж (ПК Уст. 1623. Л. 368 об.). Вместе с тем, это прозвище могло быть образовано и на онимическом уровне (ср.: ... половник Максимко *Кислой* (ПК Уст. 1623. Л. 264)). Данное предположение

* Ср.: Д. Безукладовская (ПК Уст. 1623. Л. 568 об.).

подтверждается материалами «Ономастикона»: *Кислица, Кислицын* кн. Михаил Васильевич Горбатый-Суздальский, 1513 г., в некоторых родословцах он же — *Кислый* (Оном., 141), он же — *Кисло* (Тупиков, 180). Ср.: Ивашко *Кисло*, Устюжский пристав, 1667 г. (Тупиков, 180).

С этих позиций могут быть рассматриваемы и такие прозвища, как *Дурница, Старица, Голица, Вековица, Суковатица, Кроставица, Деревяница, Железница, Оржаница* и им подобные.

Некоторые прозвища по звучанию совпадают с названиями лиц женского пола: *Дьячица, Игольница, Огородница* (ср. также: *Бражницын*, 1612 г. — Оном., 49; *Ведерницын*, 1613 г. — Оном., 64 и др.). Но обычно их носят мужчины: Иван *Игольница* (А Уст. II, 153), патронимическая группа в именовании также указывает на имя отца: Петр *Анисимов сын Огородницын* (А Уст. II, 169). Вероятно, эти прозвища, от которых произведены посесивы, образованы на онимическом уровне, иначе перед нами устойчивые фамилии, восходящие к матронимам.

Таким образом, наблюдения над антропонимами с формантом *-ица* убеждают нас в сложности выделения онимических формантов в прозвищах. Причина этого не столько в общем генезисе аффиксов, сколько в частом формальном сходстве антропонимических и апеллятивных моделей образования качественных форм. Часто мешает и возникающая межсистемная омонимия.

Уже в конце древнерусского периода, как отмечают исследователи, суффиксы *-ец, -иц-* и подобные им служили формальным показателем личных имен и не имели качественного значения [2, с. 8]. С другой стороны, формально-семантические связи апеллятивных и антропонимических аффиксов очевидны. С ростом продуктивности в апеллятивной лексике суффикса *-иц-*, соотносимого с категорией женского рода, теряет свою активность формант *-ица*, образующий формы мужских личных имен. При утрате продуктивности в образованиях от календарных имен формант сохраняется в прозвищах и производных от них. Данные антропонимы часто встречаются в местностях, близких к крупным городам (Великий Устюг, Сольвычегодск), что, видимо, связано с особенностями формирования региональной антропонимической системы. Возможно, сохранению здесь богатого арсенала антропоформантов, служивших целям идентификации лица, способствовала большая концентрация населения и, следовательно, одноименность. Для объяснения причин подобных явлений необходимы специальные исследования.

В исследованиях, посвященных истории антропонимии Устюжского края, Ю. И. Чайкина отметила, что уже в XVI в. одним из обязательных компонентов именовании местных крестьян являлась фамилия [8, с. 52-53]. Сохранение непродуктивных антропоформантов фамильными прозваниями и фамилиями XVII в., на наш взгляд, также свидетельствует о более раннем времени закрепления последних и их устойчивости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Среди наиболее значимых названий исследование А. И. Толкачев: Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI-XV вв. Ч. 1 // Этимология. 1975. М., 1977; Ч. 2 // Историческая ономастика. М., 1977; Ч. 3 // Этимология. 1976. М., 1978.

История форманта -ища рассмотрена во второй части работы, ссылки на которую используются в данной статье.

2. Азарх Ю. С. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981.

3. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.

4. Зинин С. И. Словообразование русских личных имен XVII-XVIII вв. (на материале переписных книг городов России) // Труды Самаркандского ГУ. Новая серия. Выпуск 209. Русское словообразование. Самарканд, 1971.

5. Подольская Н. В. Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М., 1977.

6. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

7. Wojtowicz M. Древнерусская антропонимия XIV-XV вв. Северо-Восточная Русь. Poznań, 1986.

8. Чайкина Ю. И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII-XVIII вв.) // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСВР I-III — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — нач. XVI в. Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.

А Уст. II — Шляпин В. П. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря. Ч. 2. В. Устюг, 1913.

АХУ I, III — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1. РИБ. Т. 12. СПб., 1890; Ч. 3. РИБ. Т. 25. СПб., 1908.

Петр. — Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1984.

ПК Уст. 1623-I — Писцовая книга Устюга Великого 1623-1626 гг. // Быть на Устюзе... Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993. С. 160-232.

ПК Уст. 1623 — Писцовая книга Устюжского уезда 1623-1626 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 506.

СК Уст. 1557 — Список с книг письма Ю. А. Александрова-Самсонова на вотчину ростовского архиепископа в Устюжском уезде 1557 г. // РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. № 28.

СК Усол. 1586 — Сотная из писцовых книг письма А. И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на вотчину Коряжемского монастыря 1586 г. // Социально-правовое положение северного крестьянства: Досоветский период. Вологда, 1981. С. 178-191.

ТК Уст. 1623 — Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. 1. М.; Л., 1951.

Тупиков — Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Оном. — Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.